

— Это плата за их комнату.

С этими словами А Цзю развернулся, отошёл от стойки и в два счёта скрылся из виду.

...

На эти хлопоты ушло время, и к полуночи в уезде Ланьпин огоньки в окнах понемногу угасли. Лишь туманная луна колыхалась в ночной дымке, словно последний серебряный фонарь, зажжённый небом для людей, — освещала дорогу домой.

У А Цзю не было дома в настоящем смысле этого слова.

Большую часть жизни он провёл в Павильоне Ушоу, но те дни, не живые и не мёртвые, не в счёт, да и называть домом место страданий он не хотел.

Хоть он и носил фамилию Жуань, дом Жуань тоже не был его домом.

Выходило, что во всём огромном мире местом, куда он мог вернуться и куда должен был вернуться, оставался лишь Павильон Ушоу.

Подумав так, А Цзю вдруг понял, что упрямство Тан Шаотана, всё ещё считавшего Павильон Радужных Одежд своим пристанищем, уже не казалось таким уж непостижимым.

Живя на свете, если нет надежды, нужны хотя бы корни — они держат душу, не дают окончательно затеряться. Для Тан Шаотана Павильон Радужных Одежд, видимо, и был таким: и оковами, и корнями.

А Цзю остановился перед воротами дома Жуань и поднял руку, ловя сухой лист, сорванный ночным ветром. Пожелтевший лист дрожал на его ладони, и казалось, стоит чуть сжать пальцы — и он рассыплется в пыль.

Он снова осознал, что то, что он задумал сделать с Тан Шаотаном, — дело бесконечно жестокое.

И именно в этот момент ему внезапно вспомнилось, что Тан Шаотан когда-то нарисовал ему карту, как вернуться домой.

Он нарисовал ему дорогу домой.

А он собирался разрушить его дом.

Ночь стояла тихая. А Цзю замер у ворот дома Жуань, будто выжидая, кто первый нарушит молчание.

И действительно — человек, уже давно стоявший на стене, после долгого взгляда наконец заговорил спокойным и знакомым голосом:

— Я убийца.

А Цзю не нужно было поднимать голову, чтобы понять, кто это.

— Павильон Ушоу хочет меня убить, потому что я собирался убить человека из его рядов.

— Моя цель — новый глава Павильона Ушоу.

Обозначив свою личность и задачу, Тан Шаотан инстинктивно сжал рукоять меча и отчеканил:

— А Цзю... тот, кого я должен убить, — это ты?

А Цзю вздрогнул, осознав, что Тан Шаотан впервые назвал его по имени прямо в лицо.

Он усмехнулся и поднял глаза, встретив вопросительный взгляд.

— Если я скажу «да», ты станешь со мной драться?

Я уже весь издырявлен, как решето, хорошо, что ты терпел так долго.

Тан Шаотан не колебался:

— Стану.

Это задание, а задание нужно выполнять.

А Цзю насмешливо приподнял бровь:

— О? Убить меня собираешься?

Вопрос А Цзю был прям. С позиции Тан Шаотана ответ столь же прост и ясен: он «станет драться», он «должен убить». Но если «стану» он выговорил легко, то «убью» застряло в горле.

Видя его колебание, А Цзю не стал сбавлять, а, напротив, наступал:

— Что, не решаешься? Если не начнёшь ты, начну я.

С этими словами он, как и обещал, нанёс первый удар — не глядя швырнул в Тан Шаотана метательный снаряд, выхваченный из кармана.

— Ты...

Снаряд летел стремительно. Тан Шаотан инстинктивно уклонился, но в последний миг, словно движимый наитием, снова поймал его.

А Цзю: «...»

Его лицо мгновенно исказилось.

Тан Шаотан: «?»

В ладони ощущалось что-то знакомое... Он медленно разжал пальцы.

И увидел бумажный комок.

Тан Шаотан в недоумении разгладил смятую бумажку — и застыл.

На ней был его почерк.

Это была карта дороги домой, которую он нарисовал для А Цзю.

Авторское примечание:

С праздником Дуанью! (Праздник лодок-драконов)

Смущением уже не описать, что чувствовал А Цзю. Молчать он не мог, но и просто стоять — тоже. Что делать?

Драться.

Сказано — сделано.

Изначально А Цзю притворялся перебежчиком, укравшим секретные манускрипты Павильона Ушоу. Положение в павильоне у него было невысокое, поэтому и боевые навыки могли быть посредственными, вид — слабым и безобидным. Так ему было проще в итоге проникнуть в Павильон Радужных Одежд вместе с Тан Шаотаном.

Однако глава павильона Жуань, прожив больше двадцати лет, имел ограниченный кругозор: он не сталкивался с безобидными «жертвами» и никогда ни перед кем не склонял головы. Поэтому даже когда он, как ему казалось, приложил все усилия, чтобы казаться беззащитным, в глазах других он оставался крепким орешком.

Если другие думали так, то что уж говорить о Тан Шаотане, который всё время был рядом?

Тот вряд ли был настолько глуп, чтобы поверить в его беспомощность и безвредность.

Коль скоро дело зашло так далеко, скрывать боевые навыки от Тан Шаотана уже не имело смысла — лучше было действовать от противного.

А Цзю напал первым, и Тан Шаотан был вынужден отвечать. Они сошлись на краю ветхой стены, и исход поединка остался неясен. Лишь карниз дома Жуань, давно требовавший ремонта, страдал от ударов, которых ему вовсе не полагалось выдерживать.

...

— В ночную пору думал, кто это дом мой разбирает, а это два молодца.

Жуань Чэнцзи, хоть и опирался на посох, шёл не хромя и не ковыляя, а почти бегом — будто не спал всю ночь, чтобы успеть разнять драку.

Реальность была недалеко от этого.

Несколько часов назад, узнав правду, он пребывал в смятении. С тех пор не пил ни глотка, и ужин, принесённый Фань Мином, остался нетронутым. Просидев так несколько часов без сна, он немного успокоился и решил поговорить с теми, кто знал правду.

Но, выйдя из подземного укрытия и обойдя весь дом Жуань, он не нашёл ни одной живой души.

В такой поздний час никто не оставался в своих комнатах. Не было Фань Мина, не было того много знающего юноши, не было видного парня — даже сердитая девушка исчезла.

Жуань Чэнцзи несколько раз обошёл свой дом, пока не наткнулся на двоих, упражнявшихся в боевых искусствах у ворот.

Да, именно упражнявшихся, а не сражавшихся насмерть.

Сам Жуань Чэнцзи боевых искусств не знал, но покойная жена его была лихой женщиной рек и озёр, и он, насмотревшись на её дела, мог отличить тренировку от смертельной схватки.

Да что там — сейчас он даже не считал, что они тренируются. «Тренировка» была бы мягко сказано, это же просто баловство!

Один только уворачивался и отступал, а меч в его руках был словно для вида — по-настоящему он и не бил.

Другой же целился исключительно в черепицу и кирпичи, поднимая оглушительный грохот, но ни разу не попав в противника.

Если позволить им продолжать в том же духе, ветхий дом Жуань за одну ночь превратится в руины и обратится в прах.

— Не соблаговолят ли молодцы остановиться на минуту и уделить время старику?

— С удовольствием.

А Цзю только этого и ждал. Он легко спрыгнул с крыши.

С Тан Шаотаном ему предстояло сойтись неизбежно, но не сегодня.

Тан Шаотан, увидев, что А Цзю «сбежал с поля боя», не стал преследовать. Сегодняшний вопрос был попыткой получить ясный ответ — пока А Цзю не признался прямо, он готов был верить, что ещё не всё потеряно.

Поэтому, когда А Цзю обернулся, Тан Шаотана на карнизе уже не было.

Эта безрезультатная прямая проверка временно завершилась «вмешательством» Жуань Чэнцзи и внутренним смятением обоих.

Луна светила тускло, галереи были пустынные. А Цзю последовал за Жуань Чэнцзи по длинной обходной галерее в тихий кабинет. Медный замок на двери заржавел; пятна ржавчины, похожие на запёкшуюся кровь, даже спустя годы оставались ярко-алыми. Старик отставил посох, порылся в складках одежды, достал ключ, отпер дверь и вошёл внутрь.

Пахнуло пылью. Старик слегка кашлянул, не обратив внимания. Он направился к давно пустому книжному шкафу, отыскал в углу деревянную шкатулку, аккуратно протёр её рукавом и открыл — внутри лежали шахматы.

Он вынул доску и фигуры, бережно расставив их на деревянном столе. В каждом движении сквозила бережность и ностальгия.

Он жестом пригласил А Цзю сесть и спросил:

— Молодой человек, играешь в шахматы?

А Цзю задумчиво посмотрел на доску и через мгновение ответил:

— Немного.